

"Мы понимаем, что система гарантирования вкладов была принята впопыхах..."

Интервью с управляющим Санкт-Петербургским филиалом ЗАО КБ "Глобэкс" Морозовским Ильей Григорьевичем

Банки и Риски (B&R). Илья Григорьевич, я недавно прочел очень любопытную статью в журнале «Управление финансовыми рисками» (где и сам, кстати, с удовольствием публикуюсь). Так вот: в этой статье автор выделяет 10 типов финансовых рисков, характерных для банковской деятельности в целом. Если не останавливаться на предложенной в статье типологии, а рассуждать на уровне здравого смысла: какие виды риска для банка «Глобэкс» являются наиболее актуальными, - и, соответственно, подлежащими рассмотрению в первую очередь? Какие существуют здесь приоритеты?

И.Морозовский. У меня есть две точки зрения на этот вопрос. С одной стороны, это точка зрения управляющего филиалом одного из крупнейших российских банков, с другой стороны, это точка зрения профессионального банкира, имеющего серьезный опыт работы в этой сфере. Какую точку зрения мы будем озвучивать?

B&R. Разумеется, интересуют обе точки зрения.

И.Морозовский. Хорошо. Дело в том, что руководитель филиала по должности действует в условиях некоторых ограничений своих функциональных обязанностей, устанавливаемых центральным руководством. Он выполняет свои должностные обязанности в рамках определенного набора регламентов – и может просто не знать или не заниматься определенными вопросами, разрабатываемыми в Москве, на уровне совета директоров или общего собрания акционеров. Иное дело, что я могу смотреть на процессы не только как должностное лицо, но и как специалист, который сталкивался с аналогичными вопросами в прошлом (когда, например, руководил КБ «Констансбанк») и посему имеет свое определенное мнение, в том числе по вопросам анализа и парирования рисков.

Вообще, создание и развитие банка в России – это генетически рисковое дело. Первопричины такого положения дел, разумеется, лежат в политической сфере, и там же находятся источники потенциальной нестабильности, что видно на примерах всех банковских кризисов в России, давних или свежих. Другое дело, что мы ведь не ставим вопрос так, что первопричиной наших личных человеческих рисков и несчастий является появление нас на свет. Это формально верное утверждение, но для анализа рисков оно нам ничего не дает. Поэтому мы сосредотачиваемся не на политике, а на экономике. И здесь у всех российских банков одна общая точка тревоги: это угроза разрыва ликвидности.

Во всех российских банках всегда пассивы имеют тенденцию к краткосрочности, а активы – к долгосрочности. По разным группам счетов (в зависимости от срочности того или иного пассива или актива) соотношение может быть в плюс или в минус. Генетическая причина образующихся то и дело разрывов одна: кредиторы банка (физические и юридические лица) не склонны отпускать от себя деньги на длительные сроки. Вот у Вас, скажем, много в окружении знакомых, которые отдают деньги в банковский депозит более чем на год?

***V&R.** Таких нет. А сам я делаю вклады на год, причем обязательно отзывные.*

И.Морозовский. То-то и оно. Граждан можно понять – они натерпелись от всех прежних режимов, у них страх потерять деньги на уровне подсознания. Россия – развивающаяся страна. Нет устойчивых темпов экономического роста, предельных уровней инфляции. Поэтому человеку проектировать свою финансовую жизнь более чем на год просто нереально. Все время говорят о стабильности, а ее как не было, так и нет. А когда внешняя нестабильность проецируется на нестабильность внутреннюю, то по банку может пойти трещина.

Поэтому когда кто-то из какого-либо банка в рекламных целях заявляет, что у них есть запас на 2 года вперед безрисковых операций, я отношусь к этому с грустной иронией. Либо вводят в заблуждение, либо не умеют считать.

И хорошо, если проблемы ликвидности носят отсроченный характер, и мы (члены банковского сообщества) успеваем к ним подготовиться – например, повысить уровень резервирования по будущим операциям. У нас, например, сейчас сформировано в Центробанке 4 млрд. рублей резервов, что составляет 10% валюты годового баланса. При этом мы стремимся обеспечить норму резервирования в 15%. То есть, как бы не сложилась наша жизнь, мы всегда должны быть готовы к неотложным платежам, откуда бы они ни возникли и какой бы степенью ожидаемости не обладали. Ясно, что проблемные банки не могут похвастаться подобной готовностью платить, вот поэтому они и проблемные.

И тут есть некоторое противоречие. С одной стороны, банку надо планировать свою жизнь на год вперед и более. С другой стороны, экономическая обстановка в стране не позволяет такому планированию быть полноценным – достоверным, обоснованным, детальным и т.д. Фактически мы живем в условиях ускорения: один год жизни банка здесь соответствует 2-3 годам жизни банка в комфортных (я бы сказал – дремотных) зарубежных условиях. У нас же в каждый момент все меняется (помните Зону в «Сталкере» Тарковского?). Мы проходим ускоренное созревание от кризиса до кризиса, и в какой-то час X обстановка меняется до такой степени, что мы словно бы оказываемся в другой стране. 1994, 1998, 2004. Говорят, что у последнего кризиса не было никаких оснований. Разумеется, были. И главное из них – фундаментальное недоверие, которое испытывает население к банкам России. И это – второе риск-измерение банковской деятельности (впрочем, тесно корреспондирующееся с первым – ликвидностью, - но несводимое к ней).

***V&R.** А сказалась на Вашей деятельности мера по гарантированию вклада в 100 тыс. рублей?*

И.Морозовский. Наша отчетность показывает, что фундаментальных сдвигов в сознании вкладчиков не произошло. Нет активности, связанной с дроблением исходного вклада на доли по 100 тысяч. Нет прироста размеров вкладов с этой или близкой фиксированной суммой. Нет тенденции на увеличение сроков. Все это говорит о том, что абсолютное большинство населения еще пока не придало появлению системы гарантирования вкладов должного значения. Возможно, такое осознание еще себя проявит, но с некоторой отсрочкой. Мы же со своей стороны тоже не предпринимаем никаких дополнительных мер: как обеспечивали готовность платить по вкладам, так и обеспечиваем, в той же пропорции.

И здесь возникает еще одна проблема, которая пока плохо осознана. Государство приняло в систему страхования вкладов практически все банки страны. Тем самым оно фактически расписалось: а) в своей неспособности вырабатывать удовлетворительные критерии фильтрации банков (например, по уровню достаточности собственного капитала или по размерам активов); б)

в том, что оно принимает на себя практически все риски банка, приводящие к его банкротству. Имеет ли сегодня государство полноту оснований для того, чтобы выступать в качестве этаким перестраховочной компании? Я считаю, что нет, и наличие у государства большого количество свободных денег в резервах – никакой не аргумент. Потому что взамен выданных гарантий по вкладам государство должно было выработать ряд встречных, достаточно жестких мер контроля над поведением банков на рынке, а этих мер нет.

Последнее десятилетие прошлого века было в России охарактеризовано тем, что подавляющее большинство участников рынка вели свой бизнес, что называется, на-авось. Сегодня, после всех возможных крахов, перетрясок и скандалов, наконец начинает складываться такая обстановка, когда банки могут и обязаны ставить перед собой стратегические цели. Такое положение обязывает банк выбрать для себя определенный стиль управления, налагающий на все руководство банка дополнительные ограничения и лимиты ответственности. Ответственный банк отличается от безответственного банка тем, что он в большей степени ограничен в своих действиях. Но система гарантирования вкладов, к сожалению, ставит ответственные и безответственные банки в равные условия.

Представим себе такую простую стандартную аферу. Сколько стоит сегодня приобрести и перенастроить под себя мини-банк, входящий в систему гарантирования вкладов? Скажу уверенно: порядка 1 млн. долларов, и такие предложения на рынке есть. Какова цена рекламной компании по продвижению супер-выгодного вклада «Новогодний»? Предположим, 200 тысяч долларов. Какой объем вкладов можно привлечь на этой волне? Думаю, речь может идти в пределах о 10 млн. долларов. Две активные операции – и средства вкладчиков уходят в офшор, а хозяин банка уходит в бега. Банк становится банкротом, по долгам которого исправно берется платить государство.

Мне представляется, что подобные схемы сейчас понемногу готовятся, и ждать красного петуха осталось совсем недолго.

Система гарантирования вкладов существенно исказила цели банков по предотвращению рисков. Зачем безответственному банку биться за снижение собственных бизнес-рисков и зарабатывать себе на этом деловую репутацию, если он понимает, что государство ему такую репутацию безрискового банка уже и так создало? Вкладчику все равно: он несет 100 тысяч, у него на дороге 2 банка, с красивыми вывесками и офисами, где только что сделан евроремонт. У обоих банков – 100% гарантия возврата вкладов. Значит, главные усилия безответственный (или недобросовестный) банк будет теперь направлять не на снижение рисков, а на зазывные мероприятия. И мы будем вынуждены, стиснув зубы, вступать в недобросовестную конкуренцию с подобными банками за привлечение вкладчиков. Недобросовестную – потому что мы связаны своей ответственностью и имеем разумные пределы по процентным ставкам. Потому что для нас нет смысла брать деньги под большой процент, а передавать в кредиты или в инвестиционные проекты под меньший процент, это против логики. И если банк идет на операции с отрицательной рентабельностью, то понятно, что он встал на известный путь финансовой пирамиды, которая ясно чем оканчивается. Мы сегодня (июнь 2005 г.) привлекаем вклады по ставке 12.5% годовых. Любой банк, который поставит рядом с нами объявление о приеме вкладов в 14% годовых, принесет нам проблемы. Но, скорее, проблемы все же возникнут у вкладчика – но потом. Потому что эскалация процентных ставок не может не настораживать вдумчивого человека, который собирается делать вклад. В голове такого человека должна срабатывать ленинская поговорка: лучше меньше, да лучше.

И вот здесь мы видим третью отчетливую зону риска в сегодняшнем бэнкинге. Парировать этот риск можно только путем: а) проведения разъяснительной работы; б) ужесточения надзора за безответственными банками; в) внесения существенных изменений в процедуру включения банков в систему гарантирования вкладов. И одним из критериев допуска должна стать мера риска, которую может принимать на себя тот или иной банк по своим операциям. Это должна быть некоторая комплексная оценка, в духе того, что рекомендует 2-й Базельский протокол. Также ясно, что необходимо разработать систему так называемых ключевых событий (по аналогии с тем же для акционерных обществ), когда существенное изменение состава акционеров банка, смена руководства банка и т.п. должны приводить к возобновлению процедуры допуска банка в систему гарантирования вкладов, с одновременной установкой моратория на прием вкладов от населения. Такая мера смогла бы существенно помочь делу.

Мы понимаем, что система гарантирования вкладов была принята впопыхах, на волне известных прошлогодних событий. И свое дело сдерживания паники она сделала. Однако не надо теперь рассматривать эту систему как некоторую незыблемую истину в последней инстанции. Необходим, возможно, законотворческий процесс, чтобы развитие этой системы протекало в законодательном поле, с возможностью внесения необходимых корректив. Можно проследить эволюцию закона об акционерных обществах, в каком виде он был принят в 1996 году, и сколько с тех пор в него было внесено дополнений и изменений, по негативным прецедентам с мест. Здесь полная аналогия.

***B&R.** Как же Центробанк должен отличать нормальные банки от потенциально проблемных, безответственные от ответственных?*

И.Морозовский. А вот тут Вам и карты в руки. Я так понял, в активе Вашей организации есть продвинутые методы выделения критериев латентного банкротства. Вот и предлагайте свои методы на обсуждение банковскому сообществу. Проблема-то, на самом деле, нетривиальная. Банк может по отчетности наблюдаться как абсолютно ликвидный. Он может взять у населения денег на год по 12%, а отдать в кредит на полгода под 20%, на строительство шахматного конгресс-холла в деревне Новые Васюки. Значит, проблема будет в том, чтобы идентифицировать надежность этого «шахматного» проекта. То есть, благопристойные банки, для поддержания реноме, должны озаботиться инвестиционными декларациями, в которых с хорошей степенью подробности будет рассказано о том, что строится, какими ресурсами, каковы стратегические перспективы и риски, какова финансовая сторона дела. Разумеется, умельцы могут подделать и не такие бизнес-планы. Достаточно вспомнить проект высокоскоростной магистрали между двумя столицами – и котлован в районе Московского вокзала как единственный след этой достаточно бурной деятельности по сбору денег. Если намечается мошенничество, то существуют определенные профильные приемы, которые можно идентифицировать и своевременно зажечь красный сигнал светофора. Здесь нужна политическая воля банков. Готовы ли они быть более открытыми, предоставлять не только стандартную, но и дополнительную отчетность, - при соблюдении, разумеется, надлежащего уровня своей экономической безопасности.

Система рейтингования Standard & Poor's, как известно, начиналась с регулярной публикации финансовых параметров открытых компаний. Мы только подходим к этому. Но сегодня, в XXI-м веке, эти параметры уже не образуют полноценной системы. Финансы – это лишь фасад; покупая дом, хочется знать, что происходит внутри. И не просто внутри, а в самом каркасе здания – насколько сохранились перекрытия, не течет ли крыша, не осел ли фундамент. Надо учиться анализировать не только количественные, но и качественные факторы, количественно оценивать риски. С этой точки зрения направление Вашей фирмы и Вашего журнала мне импонирует.

***V&R.** Спасибо за комплимент. Меня мучает один вопрос, который я хотел бы задать всем банкирам, с которыми провожу встречи. А вопрос такой: вы привлекаете деньги под 12.5% годовых. Разве кто-нибудь в мире заинтересован в том, чтобы взять у Вас кредит под 13% годовых?*

И.Морозовский. Разумеется, никто.

***V&R.** Как же Вы справляетесь с таким процентом?*

И.Морозовский. Ответ лежит на поверхности: мы практически никого не кредитруем. Часть средств мы направляем под гораздо более высокий процент в различные активные операции некредитного характера, а часть средств - резервируем. Таким образом, формируется диверсифицированный портфель активов, с которым мы профессионально работаем. При этом магистральное направление наших инвестиций – это инвестиции в строительство коммерческой недвижимости на стадии котлована. Безотносительно перипетий на рынке недвижимости, мы полностью уверены не только в сохранности и возвратности своих инвестиций, но и в их высокой доходности.

И потом: мы ведь не все пассивы привлекаем под 12% годовых. У нас в структуре баланса довольно большая доля низкопроцентных источников, в частности, остатки на счетах предприятий.

***V&R.** Означает ли это, что ваш бизнес плохо диверсифицирован, если Ваш банк фокусируется на инвестициях в строительный сектор экономики?*

И.Морозовский. Вовсе нет. Мы направляем в этот сегмент портфеля не более 20% своих ликвидных активов, остальные операции со строительством не связаны. Так что яйца в одну корзину мы не кладем.

***V&R.** И последний вопрос. Можно ли говорить о том, что ресурсная база российских банков является довольно скудной – в том отношении, что она дорогая в процентном отношении, короткая по срокам, волатильная в силу нервозности вкладчиков и отсутствия механизма безотзывных вкладов?*

И.Морозовский. Да, мы не в Швейцарии. Но прогресс все равно налицо. 10 лет назад о ресурсной базе российских банков и говорить было нечего – не о чем было говорить. По мере стабилизации макроэкономических условий, по мере интеграции российской банковской системы в мировую систему разделения труда ресурсная база банков неизбежно будет расти и крепнуть, - если законодательство в этой сфере будет совершенствоваться тем же темпом.

***V&R.** Благодарю Вас за интервью.*